

Ирина Самцова (СПб)

ПАИСИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ КАК ЧЕЛОВЕК ПИСАНИЯ

Есть понятия, суть которых для многих ясна, но определить её никто не торопится. Прежде всего, из нежелания: определив – ограничить. Одно из таких понятий - «человек Писания». Кто это такой? У этого термина нет конкретного определения, не буду давать его и я. Но есть что-то общее и главное, что мы все понимаем под этими словами. Человек Писания – тот, для кого Писание становится нормой и мерилom жизни. Оно проросло в каждый момент его жизни и осветило каждую ее сторону. В каждом случае это происходит по разному. Но такие люди узнаваемы по их плодам. Любой из нас может назвать не одного такого человека. Объект моего исследования – старец Паисий Величковский как человек Писания.

В истории русской церкви Паисий Величковский занимает особое место. На первый взгляд, он достаточно известен. Существует интереснейшая книга о. Сергия Четверикова «Молдавский старец Паисий Величковский». Это единственное монографическое исследование ему посвященное, теперь она издана и доступна и у нас. В последние годы были опубликованы тексты Паисия, известные до этого только очень узкому кругу специалистов. Тем не менее, жизнь, деятельность и творчество Паисия по-прежнему остаются недостаточно исследованными. Да и сам старец как-то исчезает из них. Более того, часто происходит некоторая подмена: из деятельности Паисия берется какой-то один «пункт», и подается так, словно это и есть его учение. Такие авторы зачастую даже и не подозревают, что, выдернув слово из контекста, они исказили то, что говорил Паисий, что он делал. Поэтому предстоит еще долгая и тщательная работа по «открытию» Паисия.

Паисий Величковский (в миру Петр Иванович Величковский) родился 21 декабря 1722 года в Полтаве. В возрасте 13 лет Петр поступил в Киевские Братские училища, начальную ступень Киевской Академии, где проучился три года. По-видимому, успехи его не были исключительны, но вот несогласие с общей программой – весьма: юноша считал, что в школьной программе слишком много внимания уделяется античным языческим авторам, и необоснованно мало – святоотеческим писаниям.

Осенью 1738 года Петр Величковский, оставляет учебу и уходит от мира. Ему почти семнадцать лет. Начинаются его странствия по монастырям в поисках духовного окормления. 6 августа 1741 года Петр был пострижен в рясофор¹. Сначала его маршруты захватывают Левобережную Украину, затем Правобережную, в конце концов он уходит в Молдавию². Дальнейшие странствия приводят его на Афон, где он провел 17 лет. Это были годы духовного возрастания и выбора дальнейшего пути. Здесь, при постриге в мантию старцем Василием Поляномерульским (с которым, в последствии, его связывала крепкая дружба), Петр-Платон получил имя Паисий. Он активно занимается поисками книг, творений святых отцов, которые рассказывают о монашеской жизни, могут помочь в её устройстве. На Афоне начала свое существование община Паисия, сложились и те принципы монастырской жизни, которыми будут отличаться его монастыри. Покидая Афон, Паисий вез не только книги, которые ему удалось собрать на Святой Горе, но и крепкое братство, основы которого были заложены благодаря писаниям святых отцов.

Дальнейшая жизнь Паисия Величковского была связана с Молдавией и Валахией. Последние годы он провел в богатейшем Нямецком монастыре. Братство, которое собралось вокруг него еще на Афоне, разрослось настолько, что занимало теперь несколько монастырей. Только в одном

¹ Произошло это в Медведковском монастыре святителя Николая на реке Тясмин. Петр получил имя Парфений, но по ошибке братии монастыря вскоре его заменили на «Платон».

² Молдавия в это время была, чуть ли не единственным заповедным уголком, в котором православное монашество могло существовать более менее спокойно и не было притесняемо от светской власти.

Нямецком проживало более тысячи человек. Был еще Секульский монастырь и несколько скитов, старцем и духовным руководителем которых был Паисий. Книжные занятия – переводы и переписка святоотеческих трудов – получают в Молдавии дальнейшее развитие. Старец Паисий не только сам переводил, но и приобщал к этому занятию монахов, склонных к книжному делу, направлял их учиться древнегреческому языку в Бухарест. Была создана большая переводческая школа.

Почему я считаю возможным говорить о Паисии Величковском как о человеке Писания? Я бы выделила три момента, на которые мне хочется обратить внимание.

Во-первых, *влияние семьи*, в которой вырос Паисий, ее атмосфера, традиции, поскольку именно ранние годы жизни и люди окружающие ребенка, оказывают основополагающее влияние на формирование его характера, закладывают основы, жизненные ценности. Вот что пишет о своей семье сам Паисий в автобиографии:

«Прапрадед мой был по отцу Симеон знатный и богатый казак. Прадед же Лука Величковский протопоп Полтавский. По матери же прадед мой был славный и богатый купец еврейского рода, прозываемый Мандя, иже и крестися в Полтаве в приходе Преображения Господня со всем домом своим. Дед же Григорий Манденко³».

Конечно, эти слова не дают нам полный портрет предков старца, но, по-видимому, Паисий считал, что для его современников этих скупых упоминаний достаточно, чтобы сделать выводы о полученном им воспитании самостоятельно.

³ Величковский Паисий, преподобный. Автобиография. Житие. ТСЛ, 2006. С. 43.

Итак, мы видим, что родители будущего старца были люди образованные и талантливые. Отец старца окончил Киевскую братскую коллегию, сочинял «вирши собственной композитур» (об упоминает отец Сергей Четвериков⁴, ссылаясь на летописца Самуила Величко). Тот же летописец весьма высоко отзывается и о деде старца. Семья Величковских занимала значимое место в Полтаве и пользовалась уважением граждан. Об этом мы можем судить хотя бы по тому, что крестным отцом будущего старца был полтавский полковник Василий Васильевич Кочубей, сын героя Полтавы, и один из влиятельнейших людей в городе.

По матери же Паисий был еврей: его прадед – купец Мандя, крестился со всем своим домом. Уровень религиозности в этой семье был весьма высок (об этом можно судить, например, по тому факту, что несколько из дочерей и внуков Манди ушли в монастырь, а одна из дочерей стала настоятельницей).

Насколько в семье матери сохранялись элементы традиционного еврейского воспитания, мы не знаем. Однако, можно предположить, что все же какие-то присутствовали. Некоторые аналогичные черты мог носить и тот семейный уклад, в котором рос Петр Величковский. Мы знаем точно, что это была «книжная» семья, то есть в ней большое внимание уделялось чтению. Что в этом было от украинской образованности, а что от иудейской традиции чтения Писания, сказать трудно⁵. Поскольку, отец будущего старца скончался, когда ребенку было четыре года, то большую роль в воспитании Петра сыграла мать.

«По рождении же моем отец мой, яко же мню, в четвертое лето от временныя сея к вечной преселися жизни. Аз же остался с матерью моею и старшим родным братом моим Иоанном Величковским, он же был и настоятелем соборной Полтавской церкви Успения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и

⁴ Четвериков Сергей, протоиерей. Молдавский старец Паисий Величковский: его жизнь, учение и влияние на православное монашество / Правда христианства. М., 1998. С. 15.

⁵ Переплетение этих двух традиций: украинской книжной учености, с одной стороны, с другой – еврейской традиции чтения Священного Писания оставалось в стороне исследователями, но, на мой взгляд, оно могло во многом стать основополагающим для будущего старца.

Приснодевы Марии, в ней же (той же) Церкви и отец мой и дед и прадед священствовали... Также матери моей вдове меня с меньшим родным братом моим Феодором в научение книжное⁶».

Образ матери старца очень колоритный. Перед нами сильная женщина, на долю которой досталось немало испытаний. Она решительна в трудные моменты и нежна в любви к единственному, оставшемуся в живых сыну, готова сделать все необходимое для его успеха и благополучия. Показательно ее стремление дать сыновьям образование. Очень выразителен момент, когда она, ни на минуту ни усомнившись, отправляется с сыном к Киевскому митрополиту Рафаилу, чтобы «закрепить» семейное место настоятеля за Петром, после смерти страшого брата Иоанна. Для визита к митрополиту она заручается поддержкой не только крестного отца Петра, но и «*всея старшины, и всех почтеннейших граждан*⁷». Очевидно, что это не только дань уважения к семье Величковских, но и лично к матери будущего старца.

Определенно важна для понимания характера этой женщины и ее эмоциональная реакция на известие об уходе сына от мира. Несогласие с решением сына, фактически бунт против это решения, и как следствие – бунт против Бога, против Божьей воли. Она слегла от горя и потрясения, отказывалась от еды. Конечно, можно говорить о том, что ее надежды, связанные с последним оставшимся в живых сыном, оказались разбиты. Это не только надежда на поддержку в старости, но, прежде всего, на восстановление рода Величковских. Получается, что больше всего ее потряс отказ сына от выполнения первой Божественной заповеди, которая так значима для традиционного еврейского сознания. Однако и на явление ангела, объяснившего ее неправоту, женщина реагирует по-библейски: оправившись от болезни, в которую ее поверг уход сына, Ирина Величковская принимает постриг в одном из полтавских монастырей.

⁶ Величковский Паисий, преподобный. Автобиография. Житие. С. 43.

⁷ Величковский Паисий, преподобный. Автобиография. Житие. С. 44.

На мой взгляд, образ Ирины Величковской, сохраненный в памяти ее сына и переданный нам, продолжает ряд библейских женских образов. Поэтому, я считаю возможным говорить об атмосфере семьи, в которой вырос старец Паисий, как *атмосфере Писания*. Это подтверждает и следующий момент, характеризующий Паисия как человека Писания. Я говорю о его любви к чтению и, самое главное, выборе книг. Сам Паисий пишет:

«...егда свободное обретах время, прилежно чтах книги Божественного Писания Ветхаго и Новаго Завета, жития святых, святого Ефрема со святым Дорофеем, святого Иоанна Златоустаго Маргарит, и прочия, елики обретахуся во святей предреченней Церкви⁸».

Прежде всего, необходимо отметить, что уже в детстве мальчик читает Священное Писание. Особо Паисий обращает внимание читателей, что читал он не только Новый, но и Ветхий Завет. Это, действительно, очень важный факт.

Дело в том, что в то время, когда жил старец Паисий читать Священное Писание не было принято, особенно, Ветхий Завет. Среди православных, даже и священников, и монахов, были особо популярны «сборники», то есть всевозможные компиляции из попадавшихся в их руки книг, качество текста и перевода которых, зачастую, оставляло желать лучшего. Так же читали жития святых, молитвенные сборники, Часослов. Из Священного Писания устойчиво популярна была Псалтирь, так как именно она читается по усопшим. К чтению Священного Писания, особенно Ветхого Завета, относились настороженно, с опаской. Считалось, что для чтения даже Евангелия требуется особая подготовка, в противном случае, читающий может впасть в прелесть, ересь и так далее.

Именно поэтому так неожиданен еще детский выбор Петра. Да, конечно, на Украине традиция чтения отличалась от России, но и там не

⁸ Величковский Паисий, преподобный. Автобиография. Житие. С. 43.

было обычным делом чтение Ветхого Завета. Об этом нам ясно говорит первый жизнеописатель Паисия, Митрофан, так же малороссиянин.

«...Ветхий Завет возбраняется не только юным чести, но и старым неразумным, да не повредятся в вере, от бывших превеликих и страшных чудес Божиих в роде еврейскомъ непокорном (непокорывомъ); такожде и пророчества плотско чтущие и Песни Песней. Богословия же отнюдь святии учителя Церкви не повелевают чести, да не погрешат нечто и малейше в догматах от неразумия и впадут в ересь. Он же небоязненно чтяще, имея в себе учителя благодать Божию учащую его, и бысть детище мал возрастом, старец же разумом и премудростию...⁹».

Очевидно, что Паисий унаследовал семейную традицию (и здесь я, как раз, возвращаюсь, прежде всего, к матери старца). Несомненно, что в семье Священное Писание читалось. И именно это помогло укорениться Писанию в сердце Паисия, и дало, в последствии, обильные плоды.

После того как мы рассмотрели каким образом и под влиянием кого сформировалось отношение Паисия к Священному Писанию, посмотрим как он реализовывал те духовные и жизненные принципы, которые черпал из Писания. Для этого обратимся к его **деятельности как создателя монастырской общины.**

Начало общине было положено еще на Афоне, с приходом первого брата, Виссариона. И сразу же Паисий проговаривает те основные принципы, которые так и останутся в основании его общины. Прежде всего Паисий, соглашаясь принять к себе Виссариона говорит о том, что принимает его *«... не в ученика, но в товарища¹⁰»*. Далее Паисий говорит, каким образом будет строиться совместная жизнь:

⁹ Величковский Паисий, преподобный. Автобиография. Житие. С. 186.

¹⁰ Величковский Паисий, преподобный. Автобиография. Житие. ... С. 144.

«...вместе идти средним путем, открывая друг другу волю Божию, кому Бог подаст больше разумения в Священном Писании, побуждая друг друга к исполнению заповедей Божиих, и на все доброе, отсекая друг перед другом свою волю и рассуждение, повиняясь друг другу во всем душеполезном, имея одну душу и одно желание, имея общим все необходимое для существования¹¹».

Удивительное дело, но Паисий нигде не говорит о том, что слушаться надо его. Он подчеркивает (в тексте это достигается повторением) равноправие и равнодостоинство обоих братьев перед Богом.

Вслед за Виссарионом потянулись и другие. Паисий сначала так же отказывается принять их к себе, стать для них духовным руководителем, ссылаясь на свое неумение и несовершенство. Но в конце концов соглашается, *«...видя их неизреченную имущих веру и любовь ко Святому Писанию и к нему, друг же ко другу мир и единомыслие¹²»*. Примечательно, что он, со-чувствуя пришедшим, «забывает» дело спасения собственной души, заботясь о ближнем. Несомненно, Паисий прекрасно понимал, что если не возьмет на себя заботу о новоприходящих, то сможет больше времени и внимания уделить своему духовному возрастанию. Но, пройдя сам путь одинокого поиска, он уже не может отказать другому в помощи. И здесь мы видим, несомненно, следование словам Христа *«...ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее¹³»*. Необходимо обратить внимание на неперемutable условие (об этом пишет агиограф), благодаря которому стало возможно совместное проживание: вера и любовь к Священному Писанию и Преданию, доверие к самому Паисию, и единомыслие – без этого попытка совместной жизни, навряд ли могла быть удачной.

¹¹ Четвериков Сергей, протоиерей. Указ. соч. С. 85.

¹² Величковский Паисий, преподобный. Автобиография. Житие. ... С. 145.

¹³ Мф. 16:25.

Таким образом, началась община Паисия Величковского, из которой потом «выросло» несколько монастырей. Уже в самом начале, мы видим стремление Паисия устроить совместную жизнь по-евангельски. Именно евангельский идеал и стал основой принципов, на которых строилась жизнь монастырей Паисия. Это будет отражено и в уставе, который он составит для своего братства, и в его письмах о монашеской жизни (в частности, в письме о. Димитрию, другу юности из Полтавы).

Обращает на себя внимание тот факт, что в братстве Паисия нет какого-либо предпочтения и превозношения одних над другими. Оно строится на принципиальном равенстве. Каждый на своем месте выполняет те обязанности, те дела, которые ему по силам. Отдельно Паисий подчеркивает в уставе, что все работы братья выполняют сами, рабского труда ни на сельскохозяйственных работах, ни в самом монастыре они категорически не использовали. И это в то время, когда во всем православном мире активно использовался труд монастырских крестьян. Несомненно, что в этом своем решении Паисий следует за словами Христа ученикам: *«...вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом; ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих¹⁴».*

В Евангелии мы находим и другие принципы устройства Паисиева братства, например, нестяжательность, отказ от любой собственности. Паисий, рассказывая об этом другу своей юности иерею Димитрию из Полтавы, пишет так:

¹⁴ Мк. 10:42-45.

«Всяк бо премлем бывая в наше сожителство, имене свое, аще бо случилось кому что имети, и вещи, даже до тончайшей вещицы, вся пред ногами моими и братіи полагая, предает я (это) Господеву, вкупе же и сам себе душою и телом во святое послушаніе даже до смерти: инако же кому въ общество наше пріятну быти отнюдь невозможно»¹⁵.

Это же мы видим и в общине первых христиан:

«У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто нечего из имени своего не называл своим, но все у них было общее. ...Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду»¹⁶.

Вторым по значимости для своего братства Паисий называет послушание.

«Ниже бо возможно есть кому и во общество наше пріятну быти, аще не с таковым намереніемъ, еже душою и телом, и всем своим произволеніем предати себе во святое и блаженное, и во Святом Писаніи свидѣтельствуемое послушаніе, во еже уже ктому не творити свою волю, ниже держати свое разсужденіе, и себе окормляти, но окормляему быти и пасомому ученіемъ Преподобных Отец наших...»¹⁷.

Несомненно, послушание как принцип монашеской жизни стал «визитной карточкой» Паисия. В многочисленных (особенно, популярных) работах о монашестве и старчестве послушанию уделяется, пожалуй, основное место, при этом очень часто ссылаются именно на Паисия Величковского. Но именно здесь и происходит подмена: из поля зрения пишущих исчезает тот «адресат» послушания, о котором ясно говорит

¹⁵ Житіе и писанія молдавскаго старца Павсія Величковскаго... С. 253.

¹⁶ Деян. 4:32; 4:34-35.

¹⁷ Житіе и писанія молдавскаго старца Павсія Величковскаго... С. 253.

Паисий. Его место занимают духовные отцы, страцы, наставники, монахи и, просто, батюшки. Сам же Паисий *ни разу* не упоминает, *кого* именно надо слушаться. Не говорит о том, что надо слушаться его или духовного отца. Он особо обращает внимание своего адресата, что братья в его монастыре но стараются любовь и уважение *друг ко другу* сохранять:

«...нудятся братія истинную и нелицемерную любовь Божію друг ко другу стяжати. ...друг друга тяготы нудятся носити, сердце и душу едину имети, друг друга на добрая дела подвизающе, друг друга верою и любовію ко мне недостойному превзыти тщащеся, аки чада Божія¹⁸».

Чуть дальше, говоря о некоторой, можно сказать, самой совершенной части братьев, пишет, прямо указывая и адресата послушания и причину:

«...но овіи убо отъ братіи, иже суть и множайшіи, до конца свою волю и разсужденіе умертвиша, во всемъ мне же и братіи повинующеся, и аки Самому Господеву во страхе Божіи и смиреніи мнозе послушаніе приносяще...¹⁹».

Вот и ответ: братья повинуются друг другу и своему настоятелю, поскольку он – один из них. Но повинуются не из дисциплинарных побуждений, а потому, что видят в ближних Господа Иисуса, который сказал: *«...так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне²⁰».*

Таким образом, послушание по Паисию Величковскому, это, прежде всего, видеть в каждом Господа и стремиться услышать Его, послужить Ему, помочь Ему – через ближнего.

Особо хочется остановиться на свободе, принципе, который никогда не связывали с Паисием, но о котором он четко пишет в одном из своих писем. Письмо это посвящено роли настоятеля. Изложив свой взгляд на место

¹⁸ Там же. С. 254.

¹⁹ Там же.

²⁰ Мф. 25:40.

настоятеля и качества, которые ему необходимы, Паисий уделяет особое внимание и ответственности самих монахов. При этом ответственность не противопоставляется послушанию. Паисий пишет:

«...да во всяком деле аще бы и зело искусен брат был, первее должен вопросити Настоятеля, и не принуждати его к тому, но оставити, якоже он разсудит и изволит: подобает бо брату вовсе смирити свой помысл, и аки крайнему невежде, тако приступити к Отцу и вопросити: аще есть изволеніе его на то и благословеніе, и тако по воле его начати. Тогда убо Бог...вразумит Духом Своим святым сердце Настоятелево, ответъ и советъ дати полезный, и послушнику благодатию Своею невидимую в деле начатом поспешит²¹».

Однако тут же следуют и слова Паисия о личной ответственности:

«Аще же добровольно Настоятель отвещаетъ: делай, якоже веси; тогда со страхом Божим, возлагаяся на молитвы его, начати, якоже Бог вразумит²²».

Здесь Паисий говорит о действии человека, когда приходится принимать решение самому, и это обращение к свободной в выборе решений и ответственной воле монахов, пронизывающие все письмо, весьма характерны для паисиевых воззрений на монашескую жизнь. Обратим внимание еще и на такую деталь: Паисий именно *просит* монахов прислушаться к его совету, он не требует, не настаивает, не угрожает. Более того, он оставляет решение за своими адресатами. Он уважает своих собеседников и доверяет им.

Очевидно, что сам Паисий не видит несогласия между послушанием и самостоятельностью в принятии решения. Отважусь утверждать, что указанный принцип для Паисия был органичен, и связан, во-первых, с принципом церковной самостоятельности, существовавшей на Украине, во-вторых, вытекал из принципиальной любви и уважения к ближнему в Новом

²¹ Там же. С. 237.

²² Там же.

Завете. Поэтому, послушание не противоположно свободе, потому что оно – следствие именно свободного выбора. Не только самого Паисия, но и братьев его общины, его монастырей.

И, наконец, еще один важный момент, мимо которого пройти не возможно: ***внутренняя жизнь общины*** строится вокруг Слова. Автор первого жизнеописания Паисия Митрофан рассказывал о том, что Слово занимает центральное место в жизни общины.

В начальный период, на Афоне, еще больше в Драгомирне, где братство переживало свой расцвет, меньше в Секульском монастыре, жизнь строилась вокруг Слова-беседы. Паисий вводит соборные чтения Священного Писания и святых отцов, беседы и пояснения прочитанного, постоянно общается с братьями, сам разъясняет им Священное Писание, приводит толкования святых отцов. Этот процесс, практически непрерывен: Паисий приходит к тем братьям, которые летом работают в поле, остается с ними и читает, читает. При этом чтение идет обязательно на двух языках: славянском и румынском для того, чтобы все: и славяне, и не славяне, – могли участвовать в процессе. Паисий, беседуя с монахами, объясняя, «толкую» им прочитанное, или же разбирая какие-либо случаи из повседневной жизни, часто обращался к Священному Писанию и святоотеческой литературе, приводя из них примеры и «иллюстрируя» свою речь цитатами. В этом не было простого украшения: использовались эти примеры для нравоучения, для того, чтобы яснее донести мысль, достигая до сердец слушателей. При этом к произведениям святых отцов Паисий обращается именно для помощи в толковании Священного Писания.

Во время пребывания в Нямецком монастыре, когда непосредственное общение с каждым монахом для Паисия стало физически невозможно (их было больше тысячи человек, и сам Паисий с возрастом ослабел и стал много болеть), жизнь монастыря строится вокруг Слова-чтения. Все больше

Паисий говорит, учит, советует, настаивает на самостоятельном чтении братьями Священного Писания и святых отцов. Каждое обращение к братии Паисий использовал на то, чтобы призывать их к самостоятельной работе с Словом, с книгой. Митрофан приводит его слова, которые он говорил в Нямце:

«...братіе, аще будете имѣти усердіе къ чтенію отеческихъ книгъ и вниматимете (будете внимать) ученію еже в нихъ, то пребудетъ между вами повиновение, миръ, единомысліе, и любовь другъ ко другу; и устоитъ нашъ соборъ дондеже Господь восхоцетъ, аще и тщится врагъ разорити, но не возможетъ. Егда же удалитесь отъ чтенія книгъ отеческихъ, то вскорѣ разорится, и не устоитъ камень на камени²³».

На это время приходится и пик его переводческой деятельности, которая началась еще на Афоне. Паисий прекрасно понимал (прежде всего, на собственном опыте, но и не только), что именно Священное Писание и труды святых отцов могут восполнить отсутствие духовного руководителя.

Таким образом, приобретенная еще в детстве в родном доме, любовь к чтению вообще, и Священного Писания в особенности, самого Паисия, пронесенная им через всю жизнь, принесла удивительные плоды не только в жизни преподобного, но и в жизни тех людей, которые с ним соприкоснулись: членов его монашеской общины, приходящих к ним, адресатов писем Паисия и его собеседников, читателей его переводов и трудов. Деятельность Паисия удивительным образом сказалась в истории русской церкви и культуры возрождением и расцветом монашества, новой интерпретацией старчества и ролью его в российской жизни, интересом к чтению и переводу святых отцов. Оказала она влияние и на перевод Священного Писания на русский язык, и на русское миссионерство.

²³ Там же. С. 182-183.

В основе деятельности и всей жизни старца Паисия Величковского лежало Священное Писание, любовь и послушание (=слышание) к которому он усвоил еще в родительском доме и пронес через всю жизнь. Именно поэтому я считаю возможным и, даже необходимым, называть его человеком Писания, членом Народа Божия.